

Евгений Меркулов

ПОСРЕДИ ДОНСКОЙ СТЕПИ

Том 2. Казачьи стихи и песни

Евгений Меркулов

Посреди донской степи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899835

ISBN 9785447441890

Аннотация

Во второй том сборника стихов «Посреди донской степи» вошли стихи и песни, в той или иной мере касающиеся «казачьей» темы. Здесь вы встретите и стилизации под стихи времён Первой мировой и гражданской войны, и рассказы о мужестве и подвигах казаков, и размышления о роли казаков в современной жизни. Нашлось место и юмору, и печали.

Содержание

Мне шептала донская волна	6
«Мне шептала донская волна...»	6
Атака лейб-казаков под Лейпцигом ¹	7
Георгиевский пост ²	11
Русские спартанцы ³	13
Ненависть	16
Хирург	19
Напиши	21
Конюх	23
Букет	25
Атаман	27
Родня	29
Утро	30
Возвращение	32
Младшая сестра	34
«Этот день такой был ясный...»	36
Посреди донской степи	38
Кукушка	40
Восемнадцатый	42
24 января 1919 г.	44
Двадцатый	46
Расстрел	47
Братья	49

Исход	52
Подумайте, братцы...	54
Жизнь	54
Встреча на Муста-Тунтури	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Посреди донской степи
Том 2. Казачьи
стихи и песни
Евгений Меркулов

© Евгений Меркулов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мне шептала донская волна

«Мне шептала донская волна...»

Мне шептала донская волна
Чудо-песни о вольных сынах,
Чьи деяния славят в веках —
О лихих, удалых казаках.

Я живу от Присуда вдали,
Так судьбы моей карты легли.
Но порой в полуночной тиши
Мне о Доне шуршат камыши.

Эти песни покрепче оков
Помогают сплотить казаков.
Вот поэтому, братцы, для вас
Я сыграю их здесь и сейчас.

Атака лейб-казаков под Лейпцигом¹

Осень. Лейпциг. Бонапарт
Молится украдкой.
Вяло плещется штандарт
Над его палаткой.

¹ Из описания Лейпцигского сражения («Битвы народов») – генерального сражения под Лейпцигом между союзными русскими, прусскими, австрийскими, шведскими войсками с наполеоновской армией во время заграничных походов русской армии 1813—1814 годов. С обеих сторон в битве участвовало свыше 500 тысяч человек. Основные события 4 (16) октября 1813 г. произошли на участке боевых действий Богемской армии. С утра русско-пруссские части Баркляя предприняли наступление на фронте шириной 8 км и овладели рядом пунктов, но, не получив поддержки со стороны австрийцев, вынуждены были их оставить. Наполеон, убедившись в растянутом расположении Богемской армии, собрал мощный кавалерийский кулак (8—10 тыс. конницы под командованием маршала И. Мюрата и генерала М. В. Лотур-Мобура) и решил бросить его на прорыв центра «богемцев» в районе с. Вахау. После интенсивного артиллерийского обстрела позиции союзников из 100 орудий, в 3 часа дня французская конница стремительно бросилась вперед, смяла передовые части, а остальных заставила построиться в оборонительные каре. Эта кавалерийская лавина очень быстро максимально приблизилась к командному пункту союзников, где находился Александр I. Положение исправил находившийся в конное Александра I лейб-гвардии Казачий полк. В критический момент лейб-казаки (4 эскадрона) под командованием полковника И. Е. Ефремова совершили смелую атаку с фланга на конную массу французских всадников, что остановило ее движение вперед и дало возможность командованию, используя подтянутые резервы, отбросить Мюрата с большими потерями на исходные рубежи. Наполеон не смог поддержать успешно развивавшуюся кавалерийскую атаку.

Неприятель с трёх сторон,
Близко окруженье.
Дать решил Наполеон
Главное сраженье.

Наподобие клинка
Конница Мюрата
В русско-пруссские войска
Врезалась с наката.

Кирасиры хороши,
Им война – забава.
Не жалея палаши,
Рубят влево-вправо.

Десять тысяч, вот те крест!
Выручайте, братцы!
Наши сдвинулись в каре,
А куды деваться?

А французы прямиком,
Лошадей запаря,
Всею мощью прут на холм,
К ставке государя.

Казачи встают стеной,
Смело приняв вызов.
Ой, не зря учил Конвой

Граф Орлов-Денисов.

За Ефремовым вперёд
Поспешай, ребята,
И на смерть, не на живот
Бейте супостата!

Корпус, полк, дивизион?
Спятели вы что ли?
Лейб-казацкий эскадрон
Стоит всех поболе.

Получи, Латур-Мобур,
Пару фунтов лиха,
Поострее, чем шампур,
Матушка-дончиха.

Гойда, саблей по виску,
Пикой в грудь, однако.
Захлебнулась на скаку
Ворога атака.

Лейб-конвой не оплошал,
Наше дело свято.
Государь не зря сказал:
«Слава вам, ребята!»

Пролетели 200 лет,
Но не властны годы.

Есть геройской битвы след
В памяти народа.

Георгиевский пост²

Эй, браток, не спеши, коль проехал – вертайся обратно.
Видишь камень-горюч, что белеется возле куста?
Ты сыми свой папах, поклонись, покрестись троекратно,
Помяни казаков, что погибли не бросив поста.

* * *

Три десятка солдат, да ещё командирская жёнка.
Супротив же отряд, где поболе бойцов во сто раз.
И по фронту Кавказ, за спиною родная сторона
И нельзя отступить, и невозможно нарушить приказ.

Всюду огненный ад, только крики: «Сдавайтесь, урусы!

² Горели, сгорели, но не сдались! В ночь с 3 на 4 сентября 1862 года казачий пост Георгиевский, близ селения Липки, состоящий из 34 казаков и одной женщины (жены начальника поста), подвергся нападению отряда горцев численностью 3000 пехоты и 400 всадников. Эта огромная масса в течение длительного времени не смогла сломить сопротивление казаков. Дорого отдал свои жизни казачий пикет, прежде чем им овладели враги. Горцы потеряли 200 человек убитыми и ранеными. Презирая смерть и отвергая предложения горцев сохранить им жизнь, прекратив сопротивление, все 34 казака и женщина пали смертью храбрых, причем половина казаков, уцелевших после разрушения стен поста, отошли в помещение деревянной казармы и продолжали оказывать отчаянное сопротивление и при поджоге горцами казармы все до одного сгорели в пламени огня, отвергая все попытки горцев призвать их к прекращению сопротивления. Как отмечено в акте осмотра боя за редут, все участники боя превратились в уголь, но не сдались!

Иншалла! Всё равно вам не выстоять в этой войне!»
Но стреляют в ответ и старик, и парнишка безусый,
И казачья жана с мужем тожа палит наравне.

А в живых уже нет, почитай, половины пикета,
Пара сотен врагов полегло и с другой стороны.
Но разрушен редут, и укрытия более нету.
«Эй, в казарму, братья! Там подмоги дождаться должны».

Догорает огонь, и не свищут смертельные пули...
От казармы – зола, только дыма ползёт пелена.
Казаки не сдались, превратились в чёрные угли,
Но с поста своего не ушли ни один... ни одна.

* * *

Эй, браток, не спеши, умоляю, не делай ошибки,
И молитву прочти, хоть не видишь золотого креста.
Белый камень-горюч, он стоит у селения Липки...
Помяни казаков, что погибли не бросив поста.

Русские спартанцы³

Сидит в душе неявная обида —
Заходит речь про доблестных мужей,
Так помнят лишь спартанцев Леонида,
А наши-то ни капли не хужей.

Две тысячи героев Войска Польска,

³ Только спартанцы могли так драться... И еще русские! Двухтысячное войско поляков не смогло сломить отряд из 42 русских гусар и заставить их сдаться в плен. Даже когда способных драться оставалось всего 7, они снова и снова бросались в атаку и заставляли отступить 40-кратно превосходящие силы противника... Этот легендарный бой произошел недалеко от деревни Сендзеёвице чуть больше 150 лет назад, в 1863 г. Отряд из 42 добровольцев (гродненские гусары, донские и линейные казаки) преследовал банду польских мятежников, терроризировавших местное население. Командовал отрядом 25-летний Александр Павлович Граббе. Конечно, и до этого боя отряды лихих гродненских гусар гоняли и успешно били мятежные банды примерно 8—9-кратно превосходившие их числом. Однако на этот раз поляков оказалось очень много: свыше 1200 кавалеристов и более 400 пехотинцев. Почти все гусары и казаки, бившиеся пока руки, сжимавшие клинки, имели место для взмаха, погибли. Когда основные силы Гродненского гусарского полка вошли в деревню Сендзеёвице, они застали в живых некоторых из смертельно раненых героев, включая командира А. П. Граббе. Офицеры и гусары с трудом подавляли рыдания, видя ужасные страдания своего израненного товарища. Граббе, собравши остаток сил, слабым голосом, но спокойно рассказал о славной защите своих сподвижников, умолчав по обыкновению о самом себе. 25-летний герой умрет утром следующего дня, все это время повторяя в бреду: «Дайте же мне моего коня, мне надо скакать... лететь...»

Сорококрatный силы перевес,
Не взяли в плен отряд из добровольцев.
Европа, помнишь, «Ноу» или «Йес»?

Деревня Сендзеёвице, слышали?
Название запомнили едва.
А там ить наши предки умирали,
Числом их было ровно сорок два.

Гусары из-под Гродно (не из штаба),
Линейные, донские казаки
И во главе их Александр Граббе.
Напротив шашек польские штыки.

Поляки окружали слева-справа,
– Сдавайтесь, казакам пощады нет,
Но шляхтичам-гусарам будет слава...
Огонь из всех оружий был в ответ.

И те, кто супротивиться был в силах,
Сумели перебраться на погост,
И точки огневые на могилах
Для наших братьев был последний пост.

Поляки шли на приступ, но однако
Запомнилась надолго, на века
Отчаянная наша контратака
Десятка русских против их полка.

Когда примчались силы на подмогу,
Среди героев, победивших смерть,
Был командир, шептавший: «Слава Богу!,
Коня мне дайте... Надо с ним лететь...»

Ненависть

(по мотивам романа С. Германа «Обречённость»)

Где к затону древнему ивы гнутся, плача,
Затерялся в зелени хуторок казачий.

Знали там и радости, знали и печали...
В двадцать первом, в августе, ЧОНовцы примчали.

Выдала карателям бисова холера,
Что в войну здесь прятали белоофицера.

* * *

Стайкой воробьиною мчались ребятишки
К берегу пустынному в поисках Микишки.

А малец на камушке, рядышком ведёрко,
Ловит деду с бабушкой рыбку-краснопёрку.

– Вон Микишка! Тута он! Сматывай-ка снасти
И айда до хутора, там такие страсти!

Краснюки нагрянули злые, словно черти,
Всем грозят наганами и пужают смертью.

Деда твоево бестии мучили жестоко,

А потом повесили. Там кровишши стока!

Барахло разбросано, живность перебита,
Дед висит обоссанный, гы-гы-гы, Микита!

А ишо мы видели, как твою бабаню
Бóсую, избитую повели за баню.

* * *

Сквозь кусты орешины видно малолетке:
Мёртвый дед, повешенный на вожже на ветке,

А бабаню старую командир отряда
В куртке комиссаровой бьёт в лицо прикладом.

А она в анчихриста плюнула открыто.
А потом два выстрела... Сирота Микита.

Весь курень каратели обнесли соломой,
Подожгли старательно, и не стало дома.

Ни слезы не выпустил, ни вскричал мальчонка.
Только зубы стиснуты, сжаты кулачонки.

Ить заветы дедовы – Не проси пощады!
Жив казак, покедова не склонился гаду.

И учил дедунюшка – Пусть рыдают бабы.
Ты не плачь, чадунюшко. Энто дело слабых.

Пусть пытаются вороги батьку, сына, внука
И других, кто дороги, – не издай ни звука.

А теперь про главное: нет прощенья катам!
Помни, дело славное – отомстить проклятым!

* * *

Белый, красный, верх да низ, стороны медали...
Закалялась ненависть, что покрепче стали.

Хирург

Кто там раненый у нас очередной?
Вот сюда кладите, тихо, не тряси.
Отойди-ка и не засти свет спиной.
Ну, приступим с Богом, Господи спаси!

Эй, сестрица, в кружку спиртика налей!
Выпей, паря, стисни зубы и терпи.
Не стони, казак, бывает тяжелей.
После будешь атаманствовать в степи.

Вроде все твои я раны залатал,
Вскоре – даст Господь – вернёшься снова в строй.
Как же люто покромсал тебя металл!
Молодец! Держался здорово, герой!

Будешь жить, спасибо конику, сынок.
Очень правильно его ты воспитал.
В лазарет тебя из боя приволок,
Лишь потом на землю замертво упал.

Что случилось, братец? Вот тебе и раз!
Столько боли, не моргнувши, перенёс,
А когда всё завершилось, взор угас,
И глаза полны невыплаканных слёз.

Санитары, унесите казака.
Простынёй накройте мёртвое лицо.
Новых раненых готовьте, а пока
Покурить маленько выйду на крыльцо.

Напиши

(по следам стихотворения С.
Копыткина «В полевом лазарете»)

Чую, мне не дожить до рассвета
И подумать о вечном пора.
Не отбиться от смерти ланцетом,
Окажи мне услугу, сестра.

Напиши три письмишка, не боле,
На страничке по несколько слов.
В них не будет ни смерти, ни боли,
Этот крест я отдать не готов.

Напиши пару строчек невесте,
Что она не жена, не вдова,
Потому что пропал я без вести,
Но надежда осталась жива.

Жалко, сын не успел родиться,
Он бы помнил, что батька – герой,
Воевал за родную землю.
Это правильный был бы настрой.

А второе письмо для мамани.

Напиши, мол донёс вестовой,
Что в бою я был вроде бы ранен,
Но видали – остался живой.

Пусть не плачет и молится Богу,
Путь отсюда до дома далёк,
Но когда-нить к родному порогу
Воротится любимый сынок.

И отдельно записку для бати,
Правду-матку ему одному —
Всех прощаю, люблю... ну и хватит.
Батя мудрый, поймёт, что к чему.

Вот и всё. Три последних привета.
Да храни тебя Боже, сестра!
Помолиться хочу напоследок.
Чую, мне не дожить до утра.

Конюх

Я хозяину сказал: «Хватит, наработал.
За копейку спину гнуть – будя, не взыщи.
Ноне пятница у нас, завтрава суббота.
Аккурат в воскресный день конюха ищи».

Я – казак, не скопидом и не держиморда,
За лошадами ходить сызмальства привык.
Но давить меня не нать, заявляю гордо,
Коль не хочешь поиметь лишних закавык.

В том, что пал твой жеребец, вовсе невиновен.
Он с рожденья для меня, как родной сынок.
Я же сам яму загон выложил из брёвен,
Одеялу для него с хаты приволок.

Али я когда Серку не казал участия?
Нешто лишнего овса в торбу не кидал?
Лучше сына распроси строго и с пристрастьем,
Потому он до коней форменный вандал.

Пусть расскажет сукин кот, как он ночью тёмной
На Серке в донскую степь улетел стрелой,
И под утро воротясь, не покрыв попоной,
Утомлённого коня напоил водой.

Сколько раз яво корил, так поить неможно,
Надо скошенной травы покидать в ведро,
Чтобы воду жеребец выпил осторожно,
Чтобы холодом себе не студил нутро.

А работать без Серка – то особый гудор.
Да и неча лишний раз мне пытаться судьбу.
Послезавтра ухожу на далёкий хутор,
А не то, боюсь, твою сына пришибу.

Букет

Плачет горлинка в кустах, словно по покойнику,
Только жизнью рисковать мне не поперву.
Я лазоревый цветок на былинке тоненькой,
Наклонившись на скаку, бережно сорву.

Вскоре будет хуторок, не проеду мимо я,
Там в знакомом курене девица-краса.
Подарю я ей цветок и скажу – Любимая,
Он такой же голубой, как твои глаза.

Вот ещё один цветок, солнышком отмеченный.
Подберу-ка и его, не сходя с коня.
Вместе с синим подарю любушке при встрече я,
Чтоб подолее она помнила меня.

Я скажу ей – На, возьми эту искру Божию,
В золотистую косу ловко заплети.
Видишь, волос и цветок колером похожие?
Это значит – о тебе думал я в пути.

Вот и третий, ярко-ал, как уста зазнобушки.
Мне сорвать бы, только конь прянул круто вбок.
Выстрел сзади прозвучал, порхнули воробушки,
И я, раненный, в седле усидеть не смог.

Ох, не зря с утра в кустах горевала горлинка...
Мне густая пелена застилает свет,
Помираю, братцы, я под ногами коника,
Рядом красною рудой залитый букет.

Атаман

Что печалишься-кручинишься, казак?
Что склонил ты буйну голову на грудь?
Не огонь, а горе-олово в глазах,
Хоть с войны теперь домой намечен путь.

Много смерти повидал ты, атаман,
Вёрсты щедро кровью политых дорог,
Но на теле не сыскать рубцов и ран.
Ни царапины! Знать, Бог тебя берёт.

Как на солнышке «егории» блестят!
Конь гнедой довольно хрупает овёс.
Почему же, Расскажи, не весел взгляд,
На обветренных щеках следы от слёз?

– Было трое в нашем хуторе друзей,
Не разлей вода, как люди говорят:
Я, Василий Ларионов и Евсей
Комаров, да больше нет моих ребят.

Всю войну прошли с начала до вчера,
Били врага втроём плечо к плечу.
И ведь надо ж, два осколка от ядра...
Погодите, братцы, трошки помолчу...

Понимаю, что война на то дана,
Что казак в бою всегда готов на смерть...
Подойдёт ко мне Евсеева жана,
Как в глаза её мне горькие смотреть?

Как мне матери Василия сказать,
Где найти для чёрной вести столько сил?
– Нету сына у тебя меньшого, мать,
Вслед за старшими он голову сложил.

Вот поэтому невесел ноне я,
И горилка чистой кажется водой.
Уходили вместе верные друзья,
А домой вернулся я один живой.

Родня

Ты плесни-ка мне сноха поскорее дымки,
А свекровушке налей крепкого чайка.
Закоцубли мы пока ехали с заимки.
Не терпелось поглядеть внука-казака.

Ух, морозец на дворе, ветер дует шибко.
До сих пор ишо вон зуб клацает о зуб.
Ну-ка, где жа тут у вас, покажитя, зыбка?
Тихо, мать, не голоси, скину щас тулуп.

Эй, Егорка, подь на баз, принеси гостинцы.
Там в санях моё ружжо, энто для мальчика.
Для Наташки сшила мать парочку из ситца,
А тебе я накоптил полмешка рыба.

Ну, наследничек, давай, покажись дедане.
О, породу узнаю, тожа белобрыс
Ты пошто жа, оголец, мне нафулиганил?
Взял, поганец, и на грудь сделал пыс-пыс-пыс.

Ладно, ладно, не кричи. Ишь ты, голосистай!
Поглядикося, уснул, перестал реветь.
Что ж, давай, сноха, мечи угошенья быстро.
Поснидаем, да назад засветло б успеть.

Утро

Расшалились под стрехой бойкие воробушки.
Солнце, трошечки погодь, рано не всходи.
Я лазоревый платок подарю зазнобушке,
Чтоб хранила обо мне память на груди.

Нам сегодня на заре уходить из хутора,
А вернёмся ли назад? – ведает Господь.
Ой, чегой-то, братцы, мне на душе так муторно?
Ты, сердечко, не щеми, да не колобродь.

Голова полным-полна горестными думами,
Знать, не зря в ночи кричал громко козодой.
Ноне снова в бой идтить вместе с односумами,
Чую, станет энтот бой нашею бядой.

По лугам сейчас пройтись, по росе предутренней,
Да с размахом от плеча накосить травы,
Отряхнуть солёный пот смоляными кудрями...
Тольки в кудрях седины на полголовы.

Всё, негоже не вставать на побудку сотнику,
А ить надобно ишо напоить коня.
Досмолю свой самосад, поклонюсь Угоднику,
А потом уже пойду прочь из куреня.

Пролетела быстро ночь, виден свет в окошечко.

Заиграет по верхам сотенный трубач.

Моя любушка-жана спит, свернувшись кошечкой.

Не прощаюсь, не люблю даже бабий плач.

Возвращение

Ну, давай, Гнедок, вперёд. Знаю сам – не просто.
Мы без роздыху идём уж который день.
Вот минуем поворот около погоста,
Там гляди, рукой подать и родной курень.

Напеки, маманя, мне пирогов с картошкой,
Да, как прежде, ставь на стол миску с каймаком.
Я, признаться, на войне сголодался трошки,
Мог бы справиться зараз с жареным быком.

По крови да по воде шёл через огонь я,
Сквозь малиновый закат в розовый рассвет.
И не сыщется нигде уголка в Придонье,
Чтобы конь мой боевой не оставил след.

Постели, маманя, мне спать на сеновале,
Чтобы ноздри щекотал запах чабреца.
О таком спокойном сне сколько раз мечтали
Мы под грохот канонад и под свист свинца.

Послужили за шесть лет мы и тем, и этим.
Кто там прав, а кто не прав, леший разберёт.
Довелось в глаза смотреть мне казачьей смерти,
А теперь хочу домой. Ну, Гнедок, вперёд!

Вот, последний бугорок, торопись, дружище!
Нам осталось проскакать только полверсты...
Где знакомый хуторок? Всюду пепелища,
Лишь белеют кое-где новые кресты.

Младшая сестра

Было это, братцы, баяют старики,
В хуторе Бурацком у Хопра-реки.
Кончилась гражданка, шёл двадцатый год.
Смерть да лихоманка, голод, недород.

Раз осенним утром, деды говорят,
Завернул к ним в хутор красный продотряд.
– Проверьте каждый погреб и амбар! —
Приказала важно девка-комиссар.

Кожаная куртка, сбоку кобура.
– Это же Аксютка, Прохора сестра!
Так любила страстно жениха-хохла,
Что за ним до красных, глупая, ушла.

Как проведал Прохор, сразу спал с лица.
Он же ей, дурёхе, был замест отца.
Не понять, не вызнать бабьего нутра,
Поломала жизнь младшая сестра.

Дело молодое, Бог ей судия...
Но так вышло, ноне подлая змея
Поплевала ядом, и притом не раз,
Показав солдатам на родимый баз.

Появился скрытый в хуторе слушок,
Что у Прошки с житом найденный мешок,
В тайнике хранился там, за куренём.
Окромя сестрицы кто мог знать о нём?

И за то что парень жито утаил,
Приговор понятен – сразу на распыл.
Стрельнули солдаты в балке у Хопра.
Погубила брата младшая сестра.

Но гулять ей тоже всласть не довелось,
Ночью уничтожен весь её обоз.
Кто рубил и кто там заметал следы?
Ничего не помнят старые деды.

«Этот день такой был ясный...»

Этот день такой был ясный,
Кто же солнышко закрыл —
То ль за тучами погасло,
То ль в тени вороньих крыл?

Ветер пел, и ржали кони,
Да звенели стремена.
Что же звуки стихли ноне
И откуда тишина?

От жары промокла потом
Гимнастёрка на спине...
Стало холодно с чего-то,
Вдруг морозно стало мне.

Занемело сразу тело,
Обессилела рука —
Видно, пуля долетела,
Поразила казака.

И теперь уже невозможно
Мне обнять отца и мать
И не кинуть шашку в ножны,
Хлеб не сеять и не жать,

Не косить по ранним росам,
Не пожить ещё чуток.
Повяжи, жена, на косы
Вдовый траурный платок.

Мне теперь на свадьбе дочки
Не сплясать навеселе,
Не увижу сам воочью,
Как сынок сидит в седле.

Уж простите, если может
Виноват перед людьми.
Помолитесь, братцы... Боже,
Душу грешную прими.

Посреди донской степи

Посреди донской степи со смертельной ранюю
Я, отставши от своих, лёг передохнуть.
А руда из-под сосца струйкою багряною
Всё текёт и холодит, и сжимает грудь.

Уж коль рука у казака
Ослабла, значит смерть близка.

Рядом травушку жуёт Звёздочка саврасая,
Ей легко без седока, в бога душу вон.
Колокольцы надо мной наклонились ласково,
Еле слышно издают похоронный звон.

Уж коль рука у казака
Ослабла, значит смерть близка.

В ожидании конца шлю поклон зазнобушке.
Не со мною ей рожать выйдет сыновей.
Довелось мне помирать не в родной сторонушке,
И не нам теперь споёт песню соловей.

Уж коль рука у казака
Ослабла, значит смерть близка.

Я не жалуясь ничуть, так судьбой начертано.

Коль казак, то не моги жизнью дорожить.
Вот и я не дорожил, всё играл со смертью, но
Двадцать вёсен не успел допутя прожить.

Уж коль рука у казака
Ослабла, значит смерть близка.

Охти, Звёздочка моя подползла, родимая.
Слава Господу, ужель всё же повезло?
Ну, безноса, смотри, пролетаю мимо я,
Только с силой соберусь, влезу на седло.

Надежда есть ещё пока,
И смерти нет для казака.

Кукушка

Ой, кукушка, ты поведай,
Прокукуй судьбу мою.
Я вернусь домой с победой
Али смерть найду в бою.

Посчитай-ка без ошибки,
Скоро ль кончится война,
И доколь у детской зыбки
Будет ждать меня жена?

Ты скажи, вещунья-птица,
Хучь одним своим ку-ку,
Повидать свою станицу
Доведётся ль казаку?

Ой, кукушка, без корёжи
Приоткрой скорей секрет,
Сколько мне отмерил Боже
В энтой жизни долгих лет?

Али завтра, вскинув шашку,
В лютой сече вражий вой
Раскроит мою фуражку
Вместе с буйной головой.

Что ж ты, птица, замолчала?

Чую, срока мне не знать...

Чай, по правде будет мало,

А по кривде и не нать.

Восемнадцатый

Восемнадцатый год шашкой по живому!
Кто ты, наш аль не наш – выясним потом.
Занесло казаков далеко от дома,
Да и где он теперь, тот родимый дом?
И хучь родом все с вольного Дона мы,
Наши судьбы скрестились хитро,
Батя с браткой прибились к Будённому,
А меньшей к атаману Шкуро.

На соседнем базу баба воеет воем
Молодая жена стала вдруг вдовой.
Сообщили, что муж принял смерть героем.
Не вернётся вовек он в курень родной.
Эй, хозяйка, налей нам по случаю,
Да закуску скорее неси.
Мы зальём свои думы горячие,
Как велось испокон на Руси.

Завтра снова в седло. Утренней порою
Бросим мы хуторок, и опять в намёт.
Прозвучит во степи: «Сотня, шашки к бою!»
Не спеши, кочеток, торопить восход.
На горе крутит крыльями мельница,
А я Бога молю лишь о том,
Чтоб в атаке не выпало встренуться

По случайности с кровным братом.

Ах, вернуться б назад, в хутора, станицы.

Надоела война! Больше не могу.

Ноне жито в полях тучно колосится —

Будем жечь, чтобы хлеб не попал к врагу.

Восемнадцатый, время суровое.

Кто тут прав, кто не прав? Не поймёшь.

Перепутано старое, новое,

Красно-белая правда и ложь.

24 января 1919 г.

Россия. Январь. Девятнадцатый год.
Визжит циркуляра кровавая строчка:
– Казачий народ поголовно в расход!
Всеместно! Без жалости! К стенке и точка!

Такого не знала страна до сих пор,
Поставлен народ за чертою закона.
Расправил крыла большевистский террор,
В итоге погибших под два миллиона.

Сдавайся! Смирись! Ворохнутья не смей!
Иначе в леваду под дробь пулемёта.
Репрессии, ссылки, расстрелы семей.
И старых, и малых под корень без счёта.

Багряною стала донская вода,
И ночи светились огнями пожаров.
Прошла по станицам казачьим орда
Свирепых зверей, палачей-комиссаров.

Но что было хуже всего – это страх,
Тот ужас, что сапой прополз в поколенья.
Ох, как же надеялись власти в верхах,
Что память народа утонет в забвеньи.

Да вишь, просчитались слегка упыри,
Забыли, что роду нема переводу.
И как ни старайся, хоть даже умри,
В душе казака не задушишь свободу.

Столетье промчалось, а память живёт,
В сердцах отпечатаны строки декрета.
И выживший в муках казачий народ
Навряд ли когда позабудет про это.

Двадцатый

Ой, степные травы манят, как постелька,
Радуга на небе, словно семицветный шлях.
Отдохни, казаче, расстели шинельку,
Брось седло под голову да на часок приляг.

Конь усталый тоже отдохнёт немного,
Он с тобой на пару столько тягот перенёс.
Позади осталась дальняя дорога,
Сколько впереди ещё – то ведает Христос.

Немцы да румыны – с ними было ясно.
Басурманов били, бьём и дальше будем бить.
А потом свои же – белые на красных,
Красные на белых... и куда теперь иттить?

У Шкуро в отряде били коммунистов,
Были у Миронова, да только всё не в прок.
Год двадцатый грозен, ярок и неистов...
А теперь дай Бог найти родимый хуторок.

Ой, степные травы манят, как постелька,
Радуга на небе, словно семицветный шлях.
Отдохни, казаче, расстели шинельку,
Брось седло под голову да на часок приляг.

Расстрел

Белый снег на донском берегу,
Да низовка сулит непогоду.
Я, разутый, стою на снегу
И смотрю на холодную воду.

Справа шепчет молитву сосед,
Снег кропя из недавнего шрама,
Он, как я, тоже бос и раздет.
Слева – батюшка с нашего храма.

Руки связаны крепко у всех,
Палачи не жалели верёвок.
Слышим сзади их ругань и смех
Вместе с лязгом затворов винтовок.

Жизнь намётом в глазах пронеслась,
Знать, не брешут об этом в романе.
Эй, пичуга, слетай-ка на баз,
Передай мою вестку мамане.

Расскажи про расстрел, про затон...
Надели её, Господи, силой!
От, не думал, что батюшка-Дон
Казакам станет братской могилой.

Мимо медленно льдинка плывёт.
Целься! Пли! Принимай, Боже, души...
Вот и всё. Девятнадцатый год.
Циркулярный приказ не нарушен.

Братья

Как вино откупорю
Кровяное, красное,
Вспоминаю давние,
Горькие года.
Жили в нашем хуторе
Братья Семичастные.
Дружные да славные,
Не разлей вода.

Схожи, как два колоса,
Лишь одно различие
(И маманя с батю
Не поймут, отколь?) —
У Ивана волосы
Светлые, пшеничные,
Кудри у Игнатия
Чёрные, как смоль.

Ой, щедра да благожна
Сторона кубанская.
Так и жили б весело
У родной Реки.
Но пожаром яростным
Вспыхнула германская,
И на фронт уехали

Братья казаки.

За три года горюшка
Нахлебались досыта.
На подмогу скорые
Шли за братом брат.
Набрались по горлышко
Боевого опыта,
Заслужив Егориев,
Ваня и Игнат.

Грозный восемнадцатый
Братьям жребий выкинул.
Ох, бывают разными
Шляхи казака.
Старший за кубанцами
Ускакал к Деникину,
А меньшей за красными
Прямо в ГубЧК.

Братья и не чаяли,
Что им снова встретиться,
Связанным да раненным,
Будет суждено.
Оба по случайности
Через десять месяцев
Были в плен захвачены
Хлопцами Махно.

Их наутро вывели...
Вот, затворы клацнули.
Но молчат ребятушки,
Да отводят взгляд.
Прогремели выстрелы,
И в могилу братскую
Разом пали рядышком
Ваня и Игнат.

Голова к головушке,
Тёмная да светлая...
Пропадали пропадом,
Не пожав руки...
Связанные кровушкой,
Что же вы наделали,
Чем грешны пред Господом,
Братья казаки?

Исход

В небо тусклое, цвета шинели,
Взмыло облако чёрного дыма.
Перегруженный борт еле-еле
Отплывает от берега Крыма.

Пассажиров угрюмые лица
И закушены губы до боли —
Прощевайте, родные станицы,
Мы уже не увидимся боле.

Подхорунжий, беззвучно рыдая,
Из нагана палит прямо в воду.
Там, в кильватере, бьётся гнедая,
Сиганувшая вслед пароходу.

И предсмертное конское ржанье
Тонет в резком гудке тоекратном...
Кто читает молитву прощанья,
Кто клянётся вернуться обратно.

Но не бейся поклонами об пол
И на Господа зря не надейся.
Порт прибытия – Константинополь,
Там не будет обратного рейса.

Стихли крики и выстрелы ружей,
И не слышится грохот сраженья.
В луже крови лежит подхорунжий,
Выбрав сердце последней мишенью.

За кормою осталась Россия,
Хоть больная, но родина всё же...
Чем приветят нас земли чужие?
Помоги казакам, святой Боже!

Подумайте, братцы...

Жизнь

Промчалась жизнь экспресс-составом,
Как будто *не* жил.
Лишь седины искрится саван
Ледово-снежный.

Считать года – так жил не мало,
А что осталось?
Вагон болячек, что к финалу
Нам дарит старость.

Бывало, вкалывал до пота
И... не бывало.
Но ни чинов не заработал,
Ни капитала.

Особняка нет на Рублёвке,
Шато в Тулузе,
Зато квартира есть в «хрущёвке»,
Совместный узел.

Шесть соток – дача в Подмосковье

На речке Рузе.
Вот так-то, смейтесь на здоровье —
Пред вами лузер.

А впрочем, нет! Поставим крестик
И в дебет тоже.
С женой полвека жили вместе!
Другим – дай Боже.

А дети-внуки! Это, братцы,
Не плюс – плюсище!
Он разных минусов дурацких
Заменит тыщи.

Да, было в жизни всяко-разно...
Добро и худо.
Но костерить её напрасно
Пока не буду.

Встреча на Муста-Тунтури (по мотивам рассказа Анатолия Болтенко)

I

В тайге это было лет тридцать назад,
Ну да, на Крещение как раз, в аккурат.

Я сбился с дороги, и ночь на носу,
Но тут заметил зимовье в лесу.

А отблеск огня, что мерцал сквозь стекло,
Сулил мне ночлег и еду, и тепло.

Я в дверь постучался – Эй, есть кто живой?
Хозяин! Хозяйка! Не бойся, открой!

Старик отворил – Заходи, коль не вор.
Один уговор – с папиросой на двор!

Всю жизнь ненавидел табачную вонь.
Садись-ка к буржуйке, там жаркий огонь.

Погрейся с мороза. Умаялся, чай?
А я заварю со смородиной чай.

Вот сало, картошка, вот хлеба ломоть.
Давай поснедаем, чем дал нам Господь.

Поели, попили душистый чаёк,
И гутор потёк, как весной ручеёк.

И деду поведал я, кто я таков,
Что род свой веду от донских казаков,

На Кольском работать пришлось пару лет,
Теперь вот попал за Уральский хребет.

Дед кинул полешко в буржуйкину пасть.
– Казак да на Кольском? Ну надо ж совпасть!

Послухай, сынок, наберись терпежу,
Из жизни моей кой-чего расскажу.

II

Хребет Муста-Тунтури знаешь, небось?
А мне в сорок первом служить там пришлось.

У нас в разведроде был тоже донец,
Отчаянный хлопец, отважный боец.

Вот как-то зимою с ним в группе одной
Мы в поиск отправились очередной.

Прошли полдороги, не встретив врага,
Но тут нас внезапно застала пурга.

И мы, чтоб укрыться от ветра чуток,
Средь скал отыскиали себе закуток,

Насыпанный снегом естественный грот.
И старший скомандовал – Быстро вперёд!

И надо ж случиться! Вползли туды, глядь —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.